

Виноградный

ВЕСТНИК ФГБУН БИН РАН

IN SAECULA SAECULORUM (ВОВЕКИ ВЕКОВ)

В.Т. ЯРМИШКО

ДИРЕКТОР БИН РАН

Дорогие ветераны Великой Отечественной войны, блокадники, труженики тыла!

Сердечно поздравляем вас с 70-летием Великой Победы, самым светлым и желанным для всех нас праздником!

Мы знаем, какой ценой была завоевана Победа, сколько горя и страданий война принесла в каждый дом. Нет в нашем институте семьи, которую война бы обошла стороной, потому что участвовали в ней или работали на Победу наши отцы и деды, матери и бабушки. Особые тяготы и лишения испытали те, кто оставался в блокадном Ленинграде или был вы-

везен из страны и содержался в концлагерях.

В этот великий День Победы искренне желаем всем здоровья, мирного ясного неба, счастья и благополучия, а ветеранам – долголетия и душевной теплоты родных и близких!

С уважением,
директор В. Т. Ярмишко

Май и июнь 1941 года Владимир Леонтьевич Комаров, президент Академии наук СССР, проводил в санатории в Гагарах. Там и застала его война. Уже 30 июня он возвратился в Москву, где началась активная работа по эвакуации институтов и сотрудников Академии наук в восточные районы СССР.

Для размещения престарелых академиков был выбран курорт Боровое в Казахстане. 26 июля вместе с женой Надеждой Викторовной и группой академиков В. Л. Комаров отправился в эвакуацию.

На пути в Казахстан В. Л. Комаров посетил в Свердловске Уральский филиал и Уральскую комплексную экспедицию АН СССР. Оказавшись в Свердловске, В. Л. Комаров принял решение остаться на Урале, чтобы на месте, используя силы, знания и ресурсы эвакуированных учреждений Академии наук и отдельных групп ученых, помочь в мобилизации уральских горных и промышленных ресурсов для нужд фронта. В Свердловск были эвакуированы Институт металлургии, Институт горного дела, Геологический институт и многие другие.

29 августа 1941 г. в Свердловске состоялось первое учредительное организационное собрание Комиссии Академии Наук СССР по мобилизации ресурсов Урала (позднее также Казахстана и Западной Сибири) на нужды обороны. В качестве председателя этой комиссии В. Л. Комаров возглавлял в ней мощную группу ученых самых разнообразных специальностей, в числе которых были металлурги во главе с академиками

SCIENTIA VINCES НАУКОЙ ПОБЕДИШЬ

Юбилейная сессия, посвященная 220-летию Академии наук СССР в Большом театре Союза ССР (г. Москва) 16 июня 1945 г.

И. П. Бардиным (зам. председателя комиссии), А. А. Байковым и Э. В. Брицке, геологи во главе с академиком В. А. Обручевым, горняки – с академиками А. А. Скочинским и Л. Д. Шевяковым, транспортники – с академиком В. Н. Образцовым, экономист академик С. Г. Струмилин, а также другие специалисты: энергетики, химики, почвоведы и экономисты.

В соответствии с потребностями военного времени, комиссия вместо экспедиций организовала подвижные комплексные бригады ученых, кото-

рые должны были срочно обобщить накопленные ранее исследовательские материалы по сырьевым ресурсам, в кратчайшие сроки изучить на местах и критически проверить правильность сведений о них, а также определить хозяйственные и технические мероприятия, которые было необходимо выполнить.

К весне 1942 г., когда работа ученых на Урале была полностью налажена, было решено распространить работу комиссии Академии наук СССР и на Казахстан. В мае 1942 г. с большой группой ученых В. Л. Комаров прибыл в Алма-Ату, где к работе на наиболее значительных горных и промышленных предприятиях Казахстана были привлечены местные ученые К. И. Сатпаев, Н. Г. Кассин и другие.

В октябре 1942 г. «Комиссия В. Л. Комарова», как ее стали называть к этому времени, приступила к организации работ по мобилизации ресурсов Западной Сибири.

Эвакуация академических учреждений в восточные регионы СССР привела к учреждению там нескольких новых филиалов Академии наук: в 1941 г. – Туркменского, в 1943 г. – Киргизского, а в 1944 г. – Западно-Сибирского в Новосибирске с отделе-

ниями в Томске, Кемерове, Прокопьевске и Сталинске (ныне Новокузнецк). Кроме того, Горно-таежная станция, носившая с 1940 г. имя В. Л. Комарова, в 1943 г. была преобразована в Дальневосточную базу АН СССР.

Осенью 1944 г. состоялась встреча В. Л. Комарова с И. В. Сталиным. Во время этой встречи кроме вопросов научного обеспечения задач фронта, В. Л. Комаров поднял вопросы о создании в системе Академии Наук Института истории естествознания, о координации деятельности академий наук союзных республик и помощи им со стороны всесоюзных научных центров.

В 1945 г. Академии Наук СССР исполнилось 220 лет. В. Л. Комаров обратился в правительство Союза ССР с ходатайством о разрешении отпраздновать эту знаменательную дату. 21 января 1945 г. вышло постановление СНК СССР о проведении празднования юбилея 220-летия Академии Наук СССР. В. Л. Комаров был назначен председателем созданного для организации этого празднования Всесоюзного комитета.

Первоначально празднование предполагали провести в мае 1945 г., но позднее, в связи с победоносным окончанием Великой Отечественной войны, оно было перенесено на июнь.

10 июня указом Президиума Верховного Совета СССР «за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием Академии Наук СССР» 13 академиком были присвоены звания Героев Социалистического Труда, а 1465 сотрудников Академии Наук СССР были награждены орденами и медалями Советского Союза. В. Л. Комаров по этому указу был награжден третьим орденом Ленина.

16 июня в помещении Большого театра Союза ССР торжественным заседанием началось официальное празднование юбилея, продлившееся две недели. 24 июня 1945 г. участники юбилейных торжеств присутствовали на историческом параде Победы на Красной площади. С гордостью смотрели они на проходившую перед трибунами военную технику, принесшую победу Советской Армии, в ней ученые, конструкторы и строители видели плоды и своего труда.

Заседание Юбилейной комиссии по проведению празднования 220-летия Академии наук СССР, май 1945 г.

РОДИЛСЯ В ТАМБОВЕ В 1925 ГОДУ, СИСТЕМАТИК И МОРФОЛОГ РАСТЕНИЙ, ДОКТОР БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН

Война началась, когда я закончил 7-ой класс. В конце года всем классом мы сфотографировались и наступило лето – каникулы. 22 июня 1941 г. мы с отцом и сестрой были за городом. Жили мы тогда в Тамбове, и в выходной день поехали в лес. Когда мы возвращались, то удивились: люди закрывали окна, это было странно, обычно летом окна были распахнуты – жарко. Нам сказали, что началась война. Тогда мы верили в свою силу и думали, что война скоро кончится. Но оказалось по-другому.

Был взят Елец. И нам, ребятам-подросткам, пришлось работать на оборону города: мы рыли противотанковый ров с запада от Тамбова. Работали всем классом с утра до позднего вечера. В качестве пайка давали кусок колбасы и хлеба – поел и снова за работу. Затем Елец был освобожден, и немцы двинулись на Воронеж и Сталинград. И нам пришлось рыть окопы с южной стороны от города. Тамбову посчастливилось, он не был оккупирован немцами. Помимо трудов мы ходили в школу, правда курс 8 и затем 9 класса был сокращен.

В 1944 г. в 10-ом классе, не дожидаясь призыва, я подал заявление в Тамбовское артиллерийско-техническое училище. Многие наши ребята хотели там учиться. Курс обучения в училище был сокращенным – около года против трех лет в мирное время. Осенью 1944 г. я окончил училище и был направлен в распоряжение Московского военного округа.

В начале я занимался транспортировкой боеприпасов, а затем получил назначение в только что сформированный в Можайске Отдельный самоходный артиллерийский полк на должность арттехника полка. С этого началась моя военная карьера.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЦВЕЛЕВ: «9 МАЯ МЫ ПОЕХАЛИ В БЕРЛИН ПРАЗДНОВАТЬ ПОБЕДУ»

На вооружении полка стояли легкие 76-миллиметровые самоходки с открытым верхом – очень уязвимые. В конце 1944 г. наш полк выехал на фронт под Варшаву. Когда мы форсировали Вислу, то увидели пустой обезлюдивший город, в котором доргали фундаменты домов. Мы попали в Варшаву, полностью уничтоженную немцами. После Варшавы мы шли в западном направлении – направлении Берлина – почти без боев. Но совершенно неожиданно для немцев наша 3-я Ударная Армия 1-ого Белорусского Фронта, к которой относился и наш полк, нанесла удар к северу. Советские танки вышли к Балтийскому морю в районе г. Кольберг (Польша), за ними при поддержке нашего самоходного полка прошла пехота и заняла все побережье Балтийского моря. Таким образом, немецкие группировки, находящиеся восточнее в районе Кенигсберга, оказались окруженными. Они пытались прорвать наше кольцо, поэтому постоянно шли бои. Затем вся восточная группировка немцев была ликвидирована, и наша часть короткое время стояла в заповедном лесу на р. Одер. Именно там мы получили приказ идти на Берлин. Мы вышли на северо-восточное шоссе, ведущее к Берлину и стали продвигаться непосредственно по шоссе. В это время сопротивления немцев как такового мы уже не ощущали. Лишь подвывая к пригородам Берлина, мы почувствовали немецкую оборону. Все русские солдаты мечтали занять Рейхстаг. Но наша часть должна была согласно приказу оставаться на северо-востоке Берлина в районе Александерплац. По всей вероятности немцы решили ни за что не сдавать Берлин. Подростки из Гитлерюгенда хорошо ориентировались в городе, передвигались по дворам и могли в любой момент запустить фаустпатрон в нашу самоходку. Нашей пехоте не давали двигаться нескончаемые пулеметные очереди, идущие из подвалов домов. Приходилось практически полностью разрушать дом, и мы иногда с удивлением видели, кто так отчаянно стрелял – мальчишки. Кроме того, в это время уже стали использовать разрывные пули. Очень опасно было передвигаться по перекресткам, которые простреливались со всех сторон.

Вообще первые немецкие части начали сдаваться еще 3 мая. 4-5 мая немцы в Бер-

Группа офицеров полка. 29 июля 1945 г. Фогельсдорф

лине почти не сопротивлялись. Нашу часть отвели в немецкую казарму в 10 км западнее Берлина, и мы стояли в сосновом лесу. Когда объявили о победе, группа наших офицеров, в том числе и я, набрали напитков и закуски, сели в трофейную машину и поехали в Берлин праздновать. В Берлине в этот день была масса народу. Отовсюду на машинах съехались наши солдаты, на улицах образовались «пробки». Мы очень хотели проехать к Рейхстагу, но прочно засели в «пробке». А накануне вышел приказ нашего командования: все незарегистрированные машины – сдать. К нам подошел конвой из офицера с двумя солдатами и попросил предъявить документы на машину. У нас документов, конечно, не было. Нас высадили, мы взяли свою провизию, зашли в один из немецких домов и отпраздновали там Победу. В этом доме не было крыши, но осталась мебель и посуда. Мы накрыли стол, даже скатерть нашли. Хорошо посидев, мы пошли к Рейхстагу. Возле него мы были до вечера. Это была атмосфера всеобщего веселья – бешабашная и легкомысленная: мы влезли на памятник Бисмарку, чтобы осмотреть поверженную вражескую столицу свысока. Обратно в часть добирались на попутках. Когда вернулись, продолжили празд-

нование уже со своими однополчанами. Небо было озарено – всю ночь в качестве салюта стреляли из сигнальных пистолетов.

Это был первый мирный день после войны. Но он не стал первым днем моей мирной жизни. Наш полк еще год стоял в Германии в с. Фогельсдорф. Когда через год нашу часть вывели из Германии, мы даже не знали, куда нас передислоцируют. Долго ехали и оказались в Славянске на Украине. Мы остановились в Святых горах на Донце. Это был апрель-май 1946 г., там великолепная природа: цветы и горы. Наш полк расформировали и демобилизовали личный состав. Как было приказано, я сдал вооружение полка в Нежин и отправился в Киев.

В городе было много демобилизованных. Очередь в Приемную комиссию по распределению я стоял три дня, ночуя на вокзале на подоконнике, завернувшись в трофейный американский спальник. Когда пришла моя очередь, я сказал, что хочу демобилизоваться и получить высшее образование. Поскольку офицеров к этому времени в армии было перепроизводство, то меня решили демобилизовать, а в качестве причины указали молодой возраст. Так я вернулся к гражданской мирной жизни.

РОДИЛСЯ В ЛЕНИНГРАДЕ В 1939 ГОДУ, ФИЗИОЛОГ РАСТЕНИЙ, ДОКТОР БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН

На начало Великой Отечественной войны мне было 2 года. Тогда мы жили на 2-ой линии Васильевского острова, в д. № 13 рядом с университетом, где работал

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГАМАЛЕЙ: «ДЕТЕЙ ВЫБРАСЫВАЛИ ИЗ КУЗОВА НА ЛЕД»

мой дед. Наша квартира была на втором этаже, а на первом этаже в этом же доме жила большая семья Савичевых – потомки булочника, пекарня которогонаходилась в подвале нашего дома. Фамилия Савичевых известна теперь во всем мире – во время блокады вся семья Савичевых умерла от голода. Страшным свидетельством первой голодной зимы 1941-42 гг. остался дневник Тани Савичевой.

2 сентября 1941 г. (за неделю до блокирования Ленинграда) моя мама Наталья Владимировна пытались вместе со мной выехать из города, но не удачно. По существовавшей до войны схеме эвакуации предполагалось, что угрожать городу будут «белофинны», и эвакуировали в противоположном направлении – на юго-запад. На Витебском вокзале нас посадили

в поезд, но успели довести только до станции Дно, навстречу уже двигались немецкие войска. На этой злополучной станции в толчее за кипятком маме вылили целый чайник кипятка на спину. Ожог был сильнейший. Медицинской помощи на станции не было. Ее начальник посетовал и, пытаясь хоть чем-то помочь, предложил отправить нас обратно в Ленинград. В этом оказалось наше спасение. Поезд, на котором мы эвакуировались, был в тот же день полностью разбомблен немецкой авиацией. А мы вернулись обратно, в блокадную зиму 1941-42 гг.

Уже 5 сентября 1941 г. станция Дно была занята немецкими войсками, 8 сентября Ленинград был окружен, усилились бомбежки. Началась 900-дневная блокада и голод.

В конце марта 1942 г. попытка эвакуации была повторена уже по «дороге жизни» через Ладогу. Это было страшно. Люди сидели в открытых кузовах в ожидании того, что в любой момент машина может пойти на дно, и в этом случае детей выбрасывали из кузова на лед в надежде на то, что следующая машина подберет их. Нам повезло: мы с мамой благополучно перебрались на «большую землю».

Дальше по Мариинской водной системе, восстановлением которой в начале века занимались мамин дед и отец, мы добрались до Череповца, откуда на поезде отправились в Омск. Предполагалось, что там, на эвакуированном заводе им. Козицкого, нас ждет муж и отец Владимир Альфредович Миллер. Но из-за его немецкого происхождения

он уже был отправлен через военкомат из Омска в трудармию на Северный Урал (в Краснотурьинск, где трудармейцы строили Богословский алюминиевый комбинат). В Омске, благодаря друзьям отца, маму приняли на работу на завод Козицкого. Как специалист с высшим математическим образованием она была направлена на проектирование оптических дальномеров для танков. Принцип устройства дальномера не многим отличается от устройства телескопа, и мама, которая до войны работала астрономом в Пулковской обсерватории, очень гордилась, что ее опыт пригодился.

Когда блокада Ленинграда была снята, в феврале 1944 г. мы с мамой вернулись в Ленинград. Снятие блокады принесло всему населению небывалый подъем. Я видел и хорошо помню салю-

ты победы. Однако, вернувшись, нам негде было жить – наша квартира была занята людьми, дом которых был разбомблен, и нас поставили на очередь на получение жилья. Затем в город вернулась Пулковская обсерватория, маму восстановили в аспирантуре и дали пятиметровую комнату в общежитии, где мы и стали жить.

9 мая 1945 г. крупнейший в Европе Богословский алюминиевый завод, построенный силами депортированных русских немцев в годы войны, в том числе и силами моего отца, инженера-радиоэлектронщика В.А.Миллера, выдал первый алюминий, который очень понадобился стране в послевоенные годы. Отец же вернулся домой в Ленинград уже в 1947 г. и продолжил работу на Заводе им. Козицкого. С этого времени началась наша мирная жизнь...

Продуктовая карточка служащего, г. Ленинград, 1947 год.

МАРГАРИТА АПОЛЛИНАРЬЕВНА БОНДАРЦЕВА: «ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА МНЕ ПРИСЫЛАЛИ КНИГИ»

таких трагических случайностей было немало. Несколько раз нам приходилось выбегать из поезда и прятаться от бомбежек в окружающие канавы, но в этом пути все уцелело.

Добрались до места мы только к 1 сентября. Это была маленькая русская деревня Олюки Кировской области всего в 22 двора. Именно там я впервые почувствовала, что такое среднерусская природа: зимой были сугробы под два метра, а весной, под ярким солнцем снег таял, бежали ручьи, собираясь в бурлящие реки, а потом быстро наступало жаркое лето. Впервые увидев такую весну, я сочинила стихи, которые были опубликованы в детсадовской стенгазете:

*Уж стаял снег с полей,
В роще запел соловей,
Колхозники сеять пошли,
Ребята играют в пыли.
А солнце печет и печет,
Весеннему солнцу – почёт!*

Первое общение с селянами нас обескуражило – мы совсем не понимали друг друга. Оказалось, что в деревне говорили на вятском диалекте, постепенно мы научились понимать, а потом и говорить на местном наречии. Поселили нас в здании школы, а школа переехала в здание сельсовета.

До войны я была очень домашним ребенком, много болела и сидела дома. Но это не помешало мне освоиться в детском коллективе, я даже завоевала популярность тем, что до войны много читала и могла рассказывать прочитанные истории, или выдумывала их сама. Иногда из блокадного Ленинграда мне присылали книги. На пустых страницах книг я записывала частушки о блокаде и стихи собственного сочинения:

*Немцы город окружили,
Наш любимый Ленинград.
Полтора года сидели
И с позором улетят.*

Основной нашей пищей в эвакуации был необмолоченный овес, мы называли это «кашей с колючками». Сейчас понятно, насколько такая грубая пища была бесполезна маленьким детям. И я думаю, что я прожила долгую жизнь только благодаря тому, что у меня был плохой аппетит: я долго мушкетировала во рту семена, выбирая колючки.

Зимой 1942 г. приехала женщина в знакомой мне шубке, с незнакомым мне необы-

чно тощим лицом. Мне сказали: «Приехала твоя мама». Оторвавшись от рисования, я посмотрела на нее и решила: эта чужая тетя не может быть моей мамой, не похожа она на маму. Решив проверить ее, я спросила: «А ты привезла мне моего мишку?» У меня был любимый мишка, с которым я до войны почти не расставалась, и не смогла взять с собой в эвакуацию. Лишь через много лет, я сумела убедить мать, что это не была душевная черствость к человеку, потерявшему силы и здоровье, пропавшему через блокаду к ребенку, по дороге потерявшему под бомбежками родных.

Все это время мой отец Аполлинарий Семёнович оставался в блокадном Ленинграде. Он работал в Ботаническом саду и был председателем бытовой комиссии. В блокаду жилые дома, во множестве находившиеся на территории сада, не отапливались и люди теснились в «доме ботаников», в котором была своя котельная и его периодически протопливали. Самым ужасным был недостаток воды, и многие не мылись все три года блокады.

Вернулась я из эвакуации в той же матроске, в которой и уезжала: с 6 до 9 лет я не выросла ни на сантиметр. Папа прислал нам с мамой вызов, и 30 июня 1944 г. мы приехали в Ленинград. Это был солнечный день. Мы сошли с поезда, и город предстал перед нами очень разрушенным. В Ботаническом саду за прудами были огороды работников сада. Эти огороды просуществовали до 1945 г. В дальних аллеях сада почти под каждым деревом росли маслята. Ими и довольствовались.

В конце 1944 г. из эвакуации вернулся БИН. После окончания блокады, когда начались восстановительные работы, мой отец был очень востребован как специалист по дереворазрушающим грибам. Многие здания в Ленинграде имели деревянные перекрытия, и папу приглашали в качестве эксперта по их восстановлению. На одну из таких экспертиз Екатерининского дворца в Пушкине в 1945 г. он взял меня с собой. Я помню – разрушения, бронзовую фигуру Пушкина, которая была вся как сотами продырявлена пулями итальянских солдат, упражнявшихся в стрельбе по памятнику.

Во время блокады многие дети не ходили в школу, поэтому после ее оконча-

ния в нашем классе помимо меня было только два человека соответствующего возраста, остальные были старше. На меня производило впечатление, что мои одноклассники вели себя и рассуждали как маленькие старики. Школьникам из семей с малым денежным достатком предоставляли ШП (школьное питание), сильно истощенным детям полагалось УШП (усиленное школьное питание).

Удостоверение к медали за оборону Ленинграда

По окончании блокады, в БИНе старались поддерживать атмосферу праздника: в так называемом «зеленом домике» работал клуб, в котором детской самостоятельностью руководила моя мама Евстолия Михайловна. Она ставила пьесы, в том числе и собственного сочинения. Но мне всегда доставались маленькие роли, потому что у меня был очень тихий голос. Там же проходили и собрания работников БИН.

День Победы я помню особенно хорошо. Он был ярким и солнечным. В тот год, как и сегодня, была ранняя весна, и в мае в Ботаническом саду уже цвели цветы. Нам, БИНовским детям, роздали эти цветы и, влившись в общегородскую колонну, мы пошли по улицам города. В сознании взрослых и детей это было великое счастье, что все позади, что никто больше не погибнет!

РОДИЛАСЬ В ЛЕНИНГРАДЕ В 1935 ГОДУ,
СИСТЕМАТИК ГРИБОВ, ДОКТОР
БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР

Накануне 22 июня 1941 г. мы с родителями выехали за город на дачу. Утром, я вышла во двор, чтобы осмотреть растущие около дома растения, и увидела бегущую хозяйскую дочь. Она сказала, что немцы перешли границу, и началась война. Мне было 6 лет.

Мы быстро собрали немного вещей, бросив половину моих игрушек, и вернулись домой. Через некоторое время объявили эвакуацию. Детей эвакуировали организованно. Тогда же было создано и несколько новых детских садов для так называемых «неорганизованных детей», среди которых была и я. Мои родители очень переживали: как отпускать ребенка одного и отпускать ли вообще. Но в один из таких садов пригласили педагогом сестру моей мамы, и меня устроили к ней в группу. В конце июля 1941 г. мы поехали в эвакуацию.

Сначала поехали на запад в сторону озера Селигер. Там мы оставались пару дней, чтобы продолжить путь по железной дороге. Именно здесь в моей детской памяти отложилось первое страшное военное событие. До железной дороги необходимо было ехать примерно час, и наша заведующая отправилась за транспортом. Вернулась она пешком разъяренная: заведующая другого сада перехватила наши автобусы. Таким образом, мы остались ждать следующей транспортной очереди. Поозже выяснилось, что самая заведующая с распухшими волосами и серым лицом в сопровождении одной из своих нянечек. Оказалось, что детскую колонну разбомбили, и в живых остались только эти две женщины, причем совершенно невредимы... Очень долгое время после этого случая мне казалось, что если бы мы поехали той колонной, то разбомбили бы нас. Да и потом

РОДИЛАСЬ В ЛЕНИНГРАДЕ В 1940 ГОДУ, ГЕОБОТАНИК, ДОКТОР БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Вся моя жизнь с самого рождения связана с БИНОм. Моя мама еще до войны начала работать в Ботаническом институте, и мы жили на территории сада в «доме ботаников». Родилась я 1940 г. и была вторым ребенком в нашей семье, поэтому маму вместе с двумя детьми почти сразу же после начала войны пытались эвакуировать из города. В июле и августе наша эвакуация не состоялась, и только в феврале 1942 г. нас с мамой и братом вывезли на «большую землю» по «Дороге жизни». Как вспоминала моя мама, нам повезло: водитель полуторки, на которой мы ехали, повез нас окружным путем. А машина перед нами, которая поехала прямо по дороге, во время бомбежки ушла под лед. Нас привезли в приемный пункт, в котором мы прожили около месяца, а уже оттуда повезли в Казань, куда был эвакуирован Ботанический институт. В Казани мы прожили до 1944 г.

По приезду в Казань сначала вместе с остальными переселенцами нас разместили в огромном актовом зале. Там было человек 100, и мы прожили так около месяца. А потом нас поселили, как нам тогда казалось, в хорошие условия – в дом культуры, где мы делили комнату с тремя другими семьями. Нашими соседями были две семьи, каждая с дву-

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА МАТВЕЕВА: «В РАЗРУШЕННЫХ ОРАНЖЕРЕЯХ МЫ ИГРАЛИ В ПЯТНАШКИ»

мя детьми, и одна – бездетная. Комната была разделена ширмами-занавесками. Спали мы все втроем на одной кровати: мама, мой старший брат и я.

Мой отец был ученым-почвоведом, до войны он работал в сельхоз институте в г. Пушкин. Во время войны папа стал подпольщиком – работал в подпольном обкоме. Его повесили в феврале 1942 г., буквально сразу же после того, как нас эвакуировали. Это была публичная казнь на площади, которую фашисты устроили для устрашения местных жителей. Было это в Псковской области на станции Полно. Отец обратился к людям, согнанным фашистами смотреть казнь, с просьбой рассказать его жене, как он погиб. Уже после войны к маме приезжала семейная пара, они

и рассказали подробности гибели моего отца. Если бы не война, отец несомненно стал бы великим ученым, он был самородком.

В 1944 г. перед возвращением БИНа из эвакуации мама и тогдашний директор института Б.К. Шишкин приехали в Ленинград. Они осмотрели территорию Ботанического сада, и было решено, что институт может возвращаться и продолжать свою работу в родных стенах. Они добились официального вызова института на возвращение и уже в мае 1944 г. БИН вернулся из Казани в Ленинград.

Время, когда моя семья вернулась из эвакуации обратно в Ботанический сад, я очень хорошо помню. Все оранжереи были разрушены. В Пальмовой оранжерее были выбиты все стекла и мы, ребята, забирались на высокий балкон, идущий по периметру оранжереи, и играли там в пятнашки. Жилые дома, находящиеся на территории сада, сильно не пострадали – в них были выбиты все стекла, но прямых попаданий снарядов не было. А перед Пальмовой оранжереей на месте падения самолета была огромная воронка. В моих детских воспоминаниях о том времени остался аэростат, привязанный на площадке у «зеленого домика».

Вообще после возвращения из Казани, сотрудники БИНа жили как одна семья – сообщество, очень заботились о детях и как могли баловали их. Зима 1944-45 гг. была очень снежной. Все сотрудники вышли убирать снег. Своими же на фанерках в большие кучи, а обратно везли на этих фанерках детей – катали их.

1945-46 гг. были трудными для страны. Все еще было голодно. Но сотрудники Ботанического сада делали все возможное, чтобы подкормить нас, БИНовских детей подножным кормом. На территории сада рос щавель, сахалинская гречиха, потом поспедали китайские яблоки – все они были сортовыми, посаженными еще в 1920-ых годах, и все различа-

Июль 1943 г. В эвакуации, Белая Безводная

лись по вкусу. Мы, дети, знали, когда что поспеет и с удовольствием все это ели. Среди растений были и своеобразные сладости: мы очень любили «шоколад» – это были красные ягоды, которые мы срывали и клали в карманы. Ягоды становились коричневыми, и мы представляли их конфетами.

Я помню, как восстанавливали оранжерею: первой восстановили Викторную оранжерею и засеяли ее. Мы с ребятами ходили смотреть на лилии и нам рассказывали, что листья Виктории выдерживают вес ребенка, но к нашей обиде так никого из нас и не посадили на лист Виктории для эксперимента.

В 1949 г. моя мама поехала в первую экспедицию, а с 1950 г. и я начала ездить с ней. Так, постепенно, в БИН возвращалась мирная жизнь...

В Ботаническом саду, 1946 г

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ВАСИЛЬЕВ: «СЕЛЬСКИЕ РЕБЯТА ЗВАЛИ МЕНЯ «ФРИЦЕМ»

ни я знаю от родителей, сам же я помню только ощущения. Долгое время уже после войны я боялся звука летящих самолетов.

В начале зимы немцы оккупировали Волотовский район, в котором мы жили. Они забрали весь скот. Выбрали старосту, который и объявил, что для работ в Германии требуются малосемейные. Моего отца не призвали в армию по причине низкого зрения, и наша семья, в которой оставались мужчины, как раз подпадала под это требование. Немцы забрали нас: моего отца Петра Васильевича, мать Анастасию Михайловну, меня, деда и бабушку (со стороны отца) и двух их дочерей – для работ в Германию. Сформировали эшелон с людьми для пересылки в Германию, и нас повезли.

Эшелон пришел в Польшу, в Богушу, и нас доставили в концентрационный лагерь. Туда приезжали вербовщики для подбора obsługi в немецкие семьи. И нашу семью выбрал немец по фамилии Блок из Восточной Пруссии. Он жил в Кенигсберге а имение, в котором жили и работали мы, было именем его покойной жены. В этом имении содержалось

небольшое животноводческое хозяйство: коровы, свиньи, гуси, и в обязанности моих родителей входил уход за скотом и прочие сопроводительные сельские работы. Девушки (сестры отца) обслуживали господский дом. Иногда немецкий господин приезжал в это имение, он не был жесток, обращался с нами по-человечески, никогда не применял телесных наказаний. В имении наша семья жила вся вместе в отдельном небольшом флигеле.

А вот родственникам со стороны матери так не повезло – они многое претерпели. Сестра матери с двумя дочерьми работали в польском имении Ольги Дычки, которая сохранила их как животных. Кормились они репой да морковью. Все время должны были работать, двигаться, если какая-то из девушек присаживалась отдохнуть, ее ждало телесное наказание – били их нещадно. Уже после войны одна из сестер написала книгу воспоминаний об этом времени «Далекое и близкое».

Все время до прихода советских войск мы прожили у немецкого господина. С приближением русских весной 1945 г. немцы стали уезжать из Восточной Пруссии, бросая свое

имущество. Оказавшись на свободе, мои родители собрали свои пожитки, заложили лошадь и отправились на восток, в сторону дома. Возвратившись домой, в родную деревню, дед и отец вернулись к работе в колхозе. Они были большие трудяги и очень общительные люди, поэтому особых нападок после возвращения из плена мы не испытали. Разве что мои сверстники, сельские ребята, долго звали меня «фрицем». Эта кличка отстала от меня только в школе.

Конечно, нашей семье очень повезло, что из плена мы вернулись домой все, включая мужчин. Это был счастливый исход. Ведь в нашей деревне большинство дворов были вдовьями. И оставшиеся в колхозе мужчины должны были взять на себя заботу обо всех сиротских дворах. И они взяли.

Издание осуществляется Санкт-Петербургским благотворительным общественным фондом развития Ботанического сада Петра Великого (СПб БОФР БСПВ). Фонд развития Ботанического сада Петра Великого реализует программы и проекты, направленные на поддержку и развитие БИН РАН и его Ботанического сада.

Реквизиты Фонда:
СПб БОФР БСПВ, ИНН: 8601000666
Р/с: № 40703810402180000043 в
Ф-л ПТР ПАО «Ханты-Мансийский банк Открытие»
БИК: 044030809
К/с: 30101810740300000809
в ГРКЦ ГУ Банка России по Санкт-Петербургу
Тел: (812) 234 35 28

РОДИЛСЯ В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛ. В 1939 ГОДУ, АГРОНОМ, СОТРУДНИК БОТАНИЧЕСКОГО САДА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Перед войной мои родители работали на льнозаводе под Старой Руссой. Там я и встретил первые самолеты войны. Немцы бомбили завод, а я был на улице. Мама подхватила меня на руки и побежала. Мне был тогда год с небольшим. В этой бомбежке был разрушен и наш дом, поэтому мы переехали в родительский дом отца – в деревню Раглицы Новгородской области. Военный период моей жизни

«BINOCULUM» №2 (2) 2015

Вестник ФГБУН Ботанический институт им. В.Л. Комарова Российской академии наук. Выходит 4 раза в год.
Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский благотворительный общественный фонд развития Ботанического сада Петра Великого.
Адрес учредителя, издателя и редакции:
197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 2.
Телефон: +7 (812) 234-3528, адрес электронной почты: kulgavy@binran.ru

Редакционная коллегия: Ярмишко В.Т. (председатель редколлегии), Гельман Д.В., Коваленко А.Е., Кульгавий В.Я., Цуненко С.М. (ответственный секретарь).
Главный редактор: Кульгавий В.Я.
Дизайн и верстка: Крестьяшин Д.Ю.
Редактор: Ивченко В.В. Интервью: Боголюбова А.Н. Запись интервью: Кульгавий В., Шабарин Г. Обработка текстов: Цуненко С.М.
Фотографии: Кульгавий В., материалы из личных архивов Бондарцевой М.А., Гамалея Ю.В., Матвеевой Н.В., Цвелева Н.Н.

Мнения, высказываемые в материалах газеты, могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не хранит рукописи, не принимает к печати. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Возрастные ограничения: 6+.
Время подписания в печать: по графику – 15.04.2015; фактическое – 15.04.2015.
Дата выхода: 27.04.2015.
Отпечатано: ООО «Онли-Пресс», 197110, СПб, ул. Малая Разночинная, д. 9 литер А. Заказ №111. Тираж – 100 экз. Газета распространяется бесплатно.